

## **Святитель Серафим и Московская патриархия<sup>1</sup>**

С 1-го по 4-е декабря 2011 г. по инициативе подворья Московской патриархии в г. Софии состоялись церковно-общественные мероприятия в честь 130-й годовщины со дня рождения архиепископа Серафима (Соболева), почитаемого в Болгарской Православной Старостильной Церкви (после его прославления в 2002 г.) как Святителя Серафима, Софийского Чудотворца.

Одним из центральных событий этих мероприятий явилась презентация книги «Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева)» молодого русского историка Андрея Кострюкова. Не ставя перед собой задачу критического обзора этого в целом интересного труда, данная статья посвящается лишь одной из разработанных в книге тем: отношениям святителя Серафима и Московской патриархии (МП). В историческом плане в этих отношениях очень четко прослеживаются два периода. Первый – пребывание святителя в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) – продолжается до конца Второй мировой войны. Второй – с момента его перехода в юрисдикцию Московской патриархии вплоть до кончины в 1950 году. Во время первого периода святитель Серафим является членом Синода РПЦЗ и его отношения с церковной властью Москвы проходят преимущественно в русле отношений этих двух русских юрисдикций между собой. Исключительно важно проследить возникновение и историческое развитие противоречий в этих отношениях, ибо вне сего контекста невозможно правильно понять побуждения, которыми руководствовался святитель Серафим на своем нелегком, а подчас исключительно сложном пути.

\* \* \*

31 июля 1927 г. Нижегородский митрополит Сергей (Страгородский), который в то время управляет Русской Православной Церковью, издает свое печально

---

<sup>1</sup> Доклад на торжество к 130-летию со дня рождения святителя Серафима Софийского, 14.XII.2011 г. в кафедральном соборе «Успение Божией Матери», София, расширенный.

знаменитое «Послание об отношении Русской Православной Церкви к гражданским властям» (наиболее известное под названием «Декларация»). Эта Декларация отмечает начало безусловного подчинения Церкви в России большевистской власти и ее превращение в придаток политической системы. В ней митрополит Сергей требует, чтобы и заграничные архиереи декларировали свою лояльность к СССР и его коммунистическому правительству. В ответ Синод РПЦЗ объявляет о прекращении своего административного подчинения Московской церковной власти, а в 1931 г. он разрывает и церковное общение с ней. В своем труде Андрей Кострюков подтверждает право Зарубежного Синода отказать в лояльности большевикам и в то же время оправдывает политику митрополита Сергея. Автор обосновывает свое мнение, представляя различия между Зарубежным Синодом и Москвой не как принципиальные, а как обусловленные единственно разными политическими условиями, в которых действуют эти две русские юрисдикции. Кострюков пишет: «Митрополит Сергей, испытывавший серьезное давление со стороны богоборцев, шел путем компромисса ради своей паствы. Митрополит считал, что таким способом Патриаршая Церковь сможет дожить до прекращения гонений. Только забота о пастве оправдывает согласие митрополита Сергея на компромисс с богоборцами.

Но заботой о пастве объяснялась и политика Заграничного Синода. Компромисс с безбожной властью стал бы причиной ухода из Русской Зарубежной Церкви в маргинальные структуры миллионов русских эмигрантов, которые мечтали об освобождении России от поработивших ее безбожников.»<sup>2</sup>

Но если бы на самом деле такими были соображения Заграничного Синода относительно компромиссов с безбожной властью в России, то нравственные основания подобной позиции были бы весьма сомнительными. Выходит, что Синод был озабочен прежде всего тем, как среагирует его паства, которую он боялся потерять, а не руководствовался принципиальными соображениями, отвергая пресловутую Декларацию митрополита Сергея, провозглашающую от имени Церкви полную солидарность с политикой богоборческой советской

<sup>2</sup> Андрей Кострюков. «Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева)». София, 2011 г., сс. 66-67.

власти – той самой власти, которая к тому времени уже десять лет подвергала Русскую Православную Церковь (РПЦ) неслыханным гонениям.

С другой стороны, неприемлемо определение политики митрополита Сергия (Страгородского) просто как компромисса с большевиками. Известно, что в своем стремлении смягчить гонения на Церковь ряд компромиссов с коммунистами допустил во время своего управления до 1925 года и св. патриарх Тихон. Но он никогда не позволял безбожникам подчинить себе церковное управление. Политика же митрополита Сергия – это не только компромисс с богоборцами, это полное и безусловное подчинение Церкви их власти. Церковь абсолютно теряет свою внутреннюю свободу. Сама высшая церковная власть в лице митрополита Сергия и его Синода, единолично им назначенного и персонально одобренного советскими спецслужбами, начинает содействовать политике воинствующего атеизма по уничтожению Русской Православной Церкви. Тем самым власть наносит удары Церкви руками самой высшей церковной власти. Начало положено уже весной 1927 г., когда митрополит Сергей начинает необъяснимо и беспричинно перемещать архиереев с кафедры на кафедру, несмотря на протесты паствы и самих архиереев. Это делается под диктовку репрессивных советских органов в лице Главного политического управления (ГПУ), которое настаивает, чтобы неудобные для него епископы были устранены. А это – лучшие архипастыри. Следующим антицерковным распоряжением митрополита Сергия тоже, конечно, под диктовку ГПУ, был приказ поминать в церквях на ектеньях в соответствующих прошениях советскую власть! Советская пресса полна издевательств: мы – атеисты, нам вообще не нужна никакая церковь с ее молитвами! Вы сами это делаете добровольно и по вашему желанию! В то же время совесть верующих распята – они с тяжелой душой слышат, как в церкви их пастыри молятся за успехи богоборцев, заложивших в программу своей партии цель – полное уничтожение любой веры в Бога. Позднее, в 1930 г., митрополит Сергей заявляет всему миру, что в Советском Союзе не существует гонений за веру (в интервью центральным советским газетам), а если и имеют место репрессии в отношении клириков и верующих

христиан, то не ради их веры, а за совершенные ими политические преступления. Тем самым, увы, стратег новой церковно- политической линии Москвы поругал подвиг и память всех известных и неизвестных исповедников и новомучеников Русской Православной Церкви, пострадавших за веру от большевиков. Более того, митрополит Сергей запрещает в церквях возносить молитвы о страждущих в советских тюрьмах и концлагерях священнослужителях, объявленных самим церковным руководством политическими преступниками, а поминание их имен в церкви принимается как политическая демонстрация против советской власти. Митрополит Сергей и его Синод даже запрещают служить панихиды по убиенным и погибшим в нечеловеческих условиях советского ГУЛАГа священнослужителям и мирянам все по той же причине – это политические преступники, и молитва о них будет расценена как политическая демонстрация. По всей стране поднимается волна протестов архиереев, клириков и верующих против этой антицерковной политики церковного руководства. На протестующих с беспощадной жестокостью обрушиваются удары советского репрессивного аппарата. Тот, кто отказывается подчиниться митрополиту Сергию, подвергается арестам и осуждениям на различные сроки тюремного заключения или ссылке. Конечно, они осуждаются советскими трибуналами не за церковную, а за политическую, «контрреволюционную» деятельность.

Очевидно, что политика митрополита Сергея не исчерпывается компромиссами, побуждаемыми «заботой о пастве»; она ведет к полной и безусловной капитуляции церковного управления перед богоборческой властью, вследствие чего само церковное управление превращается в средство борьбы с Церковью. Именно с этим не могут согласиться мученики и исповедники веры – митрополит Кирилл (Казанский), митрополит Иосиф (Петровых), митрополит Агафангел (Преображенский) и огромное множество их единомышленников, которые прерывают церковное общение с митрополитом Сергием (Страгородским) и его Синодом. Именно с таким демоническим издевательством над Церковью не может согласиться Синод Зарубежной Церкви во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). С этим не может согласиться и член

Синода епископ Серафим (Соболев), который находится вне молитвенного общения с митрополитом Сергием не только из-за своей принадлежности к Зарубежной Церкви, а по совести. По свидетельству протопресвитера Георгия Шавельского,<sup>3</sup> которое приводит Кострюков, епископ Серафим (Соболев) не только крайне отрицательно высказывался по отношению к советской власти, называя ее бесовской властью, но также осуждал и политику митрополита Сергия, что вовсе не удивительно, учитывая вышеизложенные проявления этой политики, свидетельствующие о несостоятельности утверждения г-на Кострюкова, что «...только забота о пастве оправдывает согласие митрополита Сергия на компромисс с безбожниками ...».

Даже этого беглого обзора церковной политики митрополита Сергия достаточно, чтобы непредубежденный читатель смог оценить ее несовместимость с поведением пастыря доброго, душу свою полагающего за овец.

\* \* \*

Посмотрим, насколько основательным является другое утверждение автора: «Митрополита Сергия обвиняли в предательстве интересов Церкви, хотя его задачей было именно сохранение Церкви от полного уничтожения, которое задумали коммунисты.»<sup>4</sup>

Хотя автор и рассуждает с подкупающим антикоммунистическим пафосом, в то же время он полностью оправдывает сергианский подход, отрицая его предательскую сущность и предательское отношение к вере. Данная позиция является одним из оснований мировоззрения, называемого сергианской идеологией. Согласно всем ее апологетам, митрополит Сергей и его единомышленники прилагают усилия, чтобы «спасти» Церковь от уничтожения. Данная постановка вопроса неприемлема с церковной точки зрения, ибо – как неоднократно подчеркивают многие русские новомученики и исповедники – не мы спасаем Церковь, а Господь в Церкви спасает нас. Сергианская позиция по самой своей сущности

---

<sup>3</sup> Андрей Кострюков. «Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева)». София, 2011 г., с. 68.

<sup>4</sup> Андрей Кострюков. «Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева)». София, 2011 г., с. 67.

несовместима с духом церкви Христовой и древнехристианским пониманием о том, что кровь мучеников является семенем, из которого вырастает Церковь. Церковь создается на подвиге мучеников, а не на соглашательстве, рожденном малодушием или нравственной капитуляцией перед ее палачами. Сергианство как идеология сводит Церковь к ее внешней форме земной организации или по меньшей мере придает этой форме и ее «спасению» центральное значение. Это в принципе неприемлемо. Вот почему епископ Серафим (Соболев), несомненно, по убеждению подписал Окружное послание Архиерейского собора РПЦЗ 1927 г., которым отвергается административное подчинение московскому Синоду.

Давайте посмотрим, исполнила ли сергианская политика своими собственными средствами задачу, которую, как она объявила, ставит перед собой – сохранение Церкви от полного уничтожения. К началу Второй мировой войны, т. е. через немногим более десяти лет после начала нового церковно-политического направления сотрудничества с богоборцами, на всей территории Советского Союза осталось менее двухсот действующих храмов, вместо нескольких десятков тысяч до революции. Не осталось ни одного действующего монастыря вместо более десяти тысяч ранее существовавших. На свободе, на своих кафедрах, находятся четыре архиерея, включительно и митрополит Сергей. Более двухсот архиереев, получивших хиротонию как до большевистского переворота, так и в последующие два с небольшим десятилетия, казнены по приговору суда или без суда, погибли в концентрационных лагерях и тюрьмах. Из тех, кто остался в живых, многие находятся в местах лишения свободы или сосланы в глухие сибирские леса или пустыни Средней Азии и обречены на медленную и мучительную смерть. Вот итоги сергианской политики «спасения Церкви». В результате последней волны репрессий в т. наз. «ежовские времена» – 1937 – 1938 г. в ГПУ даже закрыт отдел, занимающийся уничтожением Церкви за отсутствием предмета деятельности. Его зловещий руководитель Евгений Тучков освобожден от занимаемой должности и начинает читать лекции по атеизму, т. к. для него больше нет работы. Вот логический конец соглашательской сергианской политики. От всей Русской Православной Церкви остались

легально существовать лишь незначительные остатки, которые большевики не уничтожают до конца, только чтобы поддерживать перед внешним миром, при содействии самого церковного управления, наглую ложь о том, что в Советском Союзе существует свобода религии.

Конечно, прежде всего большевики расправляются с исповедниками, теми, кто стойко защищает свою веру и отделяется от соглашательской сергианской иерархии, но они также беспощадны и к той части духовенства и паствы Русской Православной Церкви, которая подчинилась митрополиту Сергию и его Синоду. В результате была репрессирована даже большая часть состава сотрудничавшего с богоборцами сергианского Синода. В 1937 г. расстрелян даже митрополит Тверской Серафим (Александров), которого церковный народ в Москве называл «митрополитом Лубянским» за его тесные связи со специальными службами (на улице «Лубянка» в Москве находилось главное здание ГПУ). Планы богоборцев предусматривали крайней целью полное уничтожение Церкви и потому не удивительно, что в какой-то момент пришел черед и тех иерархов и клириков, которые согласились сотрудничать с ними. Такую тактику – использовать до конца свои жертвы перед тем, как их уничтожить – большевики усвоили давно.

Нельзя, однако, забывать, что прежде чем стать жертвами сталинского террора, сергиане были его сотрудниками. В 1930 г. митрополит Сергей заявил перед всем внешним миром, что в Советском Союзе нет никаких религиозных гонений, а репрессированные священнослужители и верующие попадают под удары закона исключительно за свои политические преступления против советской власти. Этим заявлением он развязал руки богоборцам для физического уничтожения Церкви. Именно непосредственно после этого, с 1930 по 1932 г. разрушено более 90% храмов в России, а большая часть остальных поругана и превращена в клубы, склады, кинотеатры и т. д. Внешний мир не может вмешаться, ибо церковное руководство объясняет закрытие храмов желанием самих верующих и не только не протестует, а благодарит советскую власть за внимание и заботу о потребностях верующего народа. Для сравнения напомним, что всего за несколько лет до этого, в 1923 г., большевики вынуж-

дены под натиском международной общественности освободить св. патриарха Тихона после того, как его целый год держали в заключении и подготавливали судебную расправу над ним и смертный приговор. Кульминационным моментом стала нота Великобритании, которая пригрозила советскому правительству разрывом дипломатических отношений, если не будет выполнен ряд условий, среди которых – прекращение гонений за религиозные убеждения. Однако теперь, после публичных деклараций церковного руководства о том, что верующие в Советской России имеют полную свободу, у международной общественности уже не было оснований вмешаться, и физическая ликвидация Церкви продолжилась без затруднений.

Но даже и это не самая большая услуга, оказанная сергианской политикой богоборческой власти. Самым тяжелым ударом, который митрополит Сергей наносит Русской Православной Церкви, является крушение моральных устоев клира и лишение его духовно-нравственных сил, необходимых для твердого противостояния террору безбожников. Насколько митрополит Сергей раболепен по отношению к властям, настолько он деспотичен к беспомощным архиереям и священству. Как только поднялась первая волна протестов против его новой политики, он предпринимает крутые меры: расправляется с самыми стойкими своими противниками – угрозами, лишением кафедр, запрещениями в священнослужении. Он требует беспрекословного подчинения, ибо он – «канонический» первоиерарх. Его «каноническая» власть, угодна большевикам, которые всех несогласных немедленно подвергают арестам. Многие чувствуют себя в безвыходном положении, ими овладевает отчаяние и они начинают сдаваться. Кто – из страха перед репрессиями, кто – из страха церковных наказаний, кто – потому что боится впасть в раскол. В конечном итоге большинство священнослужителей оказалось на стороне митрополита Сергея. Они последовали за ним и покорились, но не по своей воле, а сломленными, вопреки своей совести. Народ видит, что его предали те, кто должен им руководить и поддерживать, он чувствует, что уже не может доверять своим пастырям. Это порождает в народе тяжелые разочарования, угнетает его дух, приводит к потере усердия в вере,



ревности в стоянии за истину. По мере того, как утверждалась власть митрополита Сергия над Церковью, угасали духовно-нравственные сопротивительные силы церковного народа. На первый взгляд может показаться, что при патриархе Тихоне Церковь находилась в идентичном положении – была так же беззащитна перед произволом богоборческой власти. Но это не так. В то время Церковь обладала огромным духовно-нравственным потенциалом и могла противостоять внешнему насилию. Теперь именно эти силы сломлены как у духовенства, так и у верующих, подчинившихся сергианскому управлению. Это, в сущности, и являлось главной целью большевиков – уничтожение моральных сил церковного народа. Наконец, через десять лет после революции, они добились этого, благодаря содействию, оказанному им митрополитом Сергием. Последующее разрушение храмов и вообще церковных святынь было вторичной, более легкой задачей.

Эту картину сергианского управления с его последствиями нам следует иметь в виду, чтобы определить, соответствует ли истине следующее основное утверждение г-на Кострюкова, разработанное в его книге. По мнению автора архиепископ Серафим «... никогда не переносил на Московскую Патриархию преступления коммунистов».<sup>5</sup> В этом, однако, полное смешивание понятий, причем автор игнорирует вопрос об отношении святителя к политике сергианского руководства, а это отношение, как об этом упоминалось ранее, было однозначно отрицательным. Автор представляет читателям Московскую патриархию как единое целое, которое, как он пытается внушить, не имеет отношения к преступлениям коммунистов. Это, однако, не отвечает истине. Сергианская верхушка имеет отношение к преступлениям коммунистов против Церкви, ибо она им содействовала. И эту ответственность невозможно скрыть за горами страданий подчиненного ей клира и верующего народа. В сущности точное размежевание состоит не в отношении святителя Серафима, с одной стороны, к большевицкой власти, а, с другой, к Московской патриархии как в целом; оно состоит в отношении святителя Серафима, с одной стороны, к сергианской идеологии и управленческой верхушки, а с другой стороны, к страждущему

---

<sup>5</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011., с. 70

церковному народу и клиру, поработанными этим управлением. Вот две части единого целого, называемого Московской патриархией. Несомненно, что в период между двух войн Заграничный Синод и в частности святитель Серафим не могут принять предательскую роль, которую исполняет высшее управление Московской патриархии, из-за чего они и прерывают церковное общение с этой иерархией. Совсем другим было их отношение к клиру и верующим, страдающим как от большевистского террора, так и от предательских действий своего священноначалия. Именно их имеют ввиду иерархи, духовенство и верующие свободной части Русской Церкви за границей, когда возносят молитвы к Богу о «страждущей Церкви» на Родине. И, конечно, они имеют ввиду и гонимую катакомбную Церковь, с которой они солидарны в наивысшей степени и пред исповедническим подвигом которой они преклоняются.

Итак, можно сделать вывод, что утверждение г-на Кострюкова о том, что святитель Серафим «никогда не переносил на Московскую Патриархию преступления коммунистов» не соответствует истине. Это мнение было бы справедливым, если бы звучало так: *архиепископ Серафим никогда не переносил на верующих и клир Московской патриархии преступления ее управляющей верхушки*. Это различие чрезвычайно важно иметь ввиду, чтобы понять мотивы святителя Серафима, когда он в конце Второй мировой войны принимает решение перейти в юрисдикцию Московской патриархии.

\* \* \*

Далее автор «Жизнеописания архиепископа Серафима (Соболева)» излагает некоторые аргументы, очевидно, с целью приуменьшить или вообще свести к нулю в сознании читателя принципиальные различия, существующие между церковными позициями святителя Серафима и Московской церковной власти в период между двумя мировыми войнами.

При внимательном рассмотрении, однако, эти «аргументы» очень четко обрисовывают упомянутые различия, однако ни коим образом не могут привести к выводу автора (о том, что для святителя не существовало особой разницы

между Заграничным Синодом и церковной властью Москвы), а напротив, они определенно приводят к противоположному выводу. Давайте рассмотрим по порядку эти аргументы.

Первый аргумент состоит в том, что до конца 40-х годов священники МП, которым удалось вырваться из Советского Союза, принимались в РПЦЗ в своем сане, причем, от них даже не требовалось покаяния. Архиепископ Серафим тоже участвовал в принятии этого решения архиерейским Собором в 1938 г. В связи с этим, однако, следует учесть, что в данном случае речь идет не только о тех священниках, которые подчинились сергианскому управлению. Что же касается последних, то они были скорее жертвами сергианской политики, чем ее сторонниками. Вот как один из исповедников, сумевший вырваться из кошмара советской действительности, протоиерей Михаил Польский, описывает состояние духовенства и верующих, подчинившихся митрополиту Сергию: «...подчинившиеся митр. Сергию не без борьбы и нравственного страдания подчинились, и сказать, что подвластные ему довольны и сознают, что идут верным и добрым путем, значит оклеветать народ наш. Тяжкая нужда, теснота отовсюду, предательство изнутри сломили и поработили людей».<sup>6</sup> Отсюда понятно, почему Заграничный Синод принял такое пастырское решение, но это совсем не означает, что оно распространялось и на сергианских вождей, осуществивших или поддерживающих это «предательство изнутри».

В качестве другого аргумента Кострюков указывает на то, что архиепископ Серафим не осуждал иерархов, «признавших по принуждению советскую власть». Это действительно так, но это совсем не означает, что святитель считал приемлемой их церковную позицию. Это абсолютно разные вещи.

Несомненно, что святитель не осуждал даже самого митрополита Сергия. Основополагающий христианский закон не судить впавшего в грех. Это, конечно, не означает, что сам грех делается приемлемым, особенно когда он

---

<sup>6</sup> Протоиерей Михаил (Польский). Положение Церкви в Советской России, С.-Пб., 1995, с. 85 – <http://paraklit.org/knigi/Ispovednicheskye/Polskoj.pdf>

сознательный. А здесь речь идет именно о сознательных заявлениях и действиях, ущемляющих Церковь. К тому же в данном случае святитель Серафим не был исключением среди заграничных иерархов. Сам председатель Заграничного Синода, митрополит Антоний (Храповицкий), подает прекрасный пример того, как можно обличать грех и в то же время любить грешника. В частном письме к митрополиту Сергию (Страгородскому) от 6 мая 1933 г. митрополит Антоний обличает его за то, что он продал чистоту веры и за это подлежит церковному суду – за свое самоуправство и союз с безбожниками; за то, что поклонился «исконному врагу нашего спасения»; за то, что похулил и унизил подвиг новомучеников и исповедников; за то, что все свои силы устремил на то, чтобы жить в мире с хулителями и гонителями Христа и Его Церкви. Но в этих обвинениях нет осуждения, они сопровождаются самым сердечным увещанием: «Умоляю Вас, как б. ученика и друга своего: освободитесь от этого соблазна, отрекитесь во всеуслышание от всей той лжи...». Письмо заканчивается словами: «Не отвергайте же дружеского призыва сердечно любившего Вас и продолжающего любить».<sup>7</sup> Подобное отношение к митрополиту Сергию проявляют и исповедники в России, которые самым непосредственным образом страдали от последствий его политики. Следующий эпизод, описанный протоиереем Михаилом Польским, наглядно иллюстрирует их великодушие и готовность простить митрополита Сергия при первых же признаках покаяния с его стороны: «В Прощеное Воскресенье в 1929 г. (как мне писали в ссылку) митр. Сергей в своем храме просил прощения у народа. Он говорил так грустно, так печально, так признавал свои проступки перед народом, и просьба о прощении носила такой искренний характер, что всем стало его жаль до крайности, и даже те, кто у него и его клира не причащался, подошли к нему под благословение.»<sup>8</sup> Этот случай показывает, что митрополит Сергей не был бессовестным человеком, иногда совесть его мучила и он до такой степени сознавал греховность своего выбора, что прилюдно каялся в этом. Но, к

---

<sup>7</sup> Письмо Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого) к Митрополиту Сергию (Страгородскому), 6 мая 1933 г. Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. с. 263

– <http://krotov.info/acts/20/1930/19330506.html>.

<sup>8</sup> Протоиерей Михаил (Польский). Положение Церкви в Советской России, С.-Пб., 1995, сс. 67-68  
<http://paraklit.org/knigi/Ispovednicheskye/Polskoj.pdf>.

сожалению, после этих робких шагов в спасительном направлении, он и остановился, так что на деле не соизволил отречься от предательского союза с гонителями Церкви. Его совесть была поражена нечто более сильнее, что мешало ему внять призывам митрополита Антония и русских новомучеников. О. Михаил Польский очень точно описывает это: «Итак, выход из положения у митр. Сергия всегда есть. Он каяться может и знает свои грехи. Не в закоулке, а вслух всей Российской Церкви он бы мог сказать, что попытки примирения с властью и уступки ей напрасны, что Церковь ведется к уничтожению, что церковные люди страдают без всяких политических преступлений против власти, а за одну только свою ревность по вере... сделать это и идти на Голгофу он бы мог.»<sup>9</sup>

Непосредственно связан с предыдущим следующий аргумент г-на Кострюкова: позиция архиепископа Серафима была значительно умереннее той, которой придерживалась РПЦЗ в целом. Посему на него не было наложено запрещение в священнодействии, объявленное Синодом митрополита Сергия (в 1934 г.), наложенное Московской церковной властью на большую часть заграничных архиереев (на восемь из них, во главе с митрополитом Антонием). Отсюда делается вывод, что святитель Серафим не был «активным противником Московской патриархии». В действительности, не только святитель Серафим, а и никто из заграничных архиереев не был «активным противником Московской патриархии», но все они, включая святителя Серафима, были принципиальными противниками соглашательской политики ее руководства. Впрочем, все, кому были известны великодушие и любовь святителя Серафима, знают, что он никогда не позволял себе резких высказываний даже в адрес своих самых непримиримых недоброжелателей. И поэтому возможно, что он, в отличие от других заграничных архиереев, не привлекал к себе внимания и не вызывал раздражения митрополита Сергия. Кроме того, следует учесть весьма важное в данном случае обстоятельство, что богословские труды святителя Серафима посвящены главным образом догматическим вопросам, он больше обличает современные ему отклонения от православного учения в русской богословской

---

<sup>9</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011, с. 68.

мысли, и менее касается экклезиологических тем, в силу чего проблема отношений между Заграничной Церковью и Московской церковной властью не является центральной в его сочинениях. Однако, вне всякого сомнения, он был противником сергианской церковной политики, что весьма хорошо видно при рассмотрении следующего аргумента. Хотя г-н Кострюков приводит его для подтверждения своего мнения, этот аргумент в сущности самым категорическим образом обращается против утверждения автора и доказывает противное. Вот этот аргумент: архиепископ Серафим вел переписку с двумя иерархами из юрисдикции Московской патриархии – архиепископом Вениамином (Федченковым) и митрополитом Елевферием (Богоявленским). Важно, однако, то, что он им писал. В письме от 1934 г. к архиепископу Вениамину (которое цитирует г-н Кострюков), святитель Серафим, выражая к нему лично самое теплое и сердечное отношение, в то же время совсем объективно критикует церковную позицию своего бывшего совыпускника Петербургской Академии, подчеркивая, что своим добровольным признанием советской власти он совершает «грех, больший, чем ересь», чем одобряет ее «бесчисленные злодеяния» по уничтожению русского православного народа и Церкви, подвергает осуждению «бесчисленный и доблестный сонм новых мучеников и исповедников», проваливает «в пропасть все церковное здание».<sup>10</sup> Вот какова его действительная оценка сергианской церковной позиции.

Далее г-н Кострюков отмечает, что архиепископ Серафим отправил в Россию через упомянутыми архиереями несколько экземпляров своей книги «Новое учение о Софии Премудрости Божией»<sup>11</sup>, в которой критикует еретические взгляды парижского богослова протоиерея Сергия Булгакова, причем особо подчеркивает, что эти книги были адресованы именно митрополиту Сергию. Но разве есть что-то удивительное в том, что святитель Серафим заботится оградить больного, страдающего тяжелой болезнью от заражения другой болезнью, не менее опасной? Святитель действительно вел корреспонденцию с митрополитом Елевферием по вопросу о софианской ереси и побудил его поставить вопрос об

---

<sup>10</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011, сс. 69-70.

<sup>11</sup> Архієпископъ Серафимъ (Соболевъ). Новое ученіе о Софіи Премудрости Божіей. София, 1935 г.

ее осуждении. Но забота святителя о том, чтобы предохранить от еретических заблуждений клир и паству, подчиненные митрополиту Сергию, совсем не означает признание церковной власти последнего, вне зависимости от проводимой им политики, как это пытается внушить автор. Кроме того, нельзя забывать о том, что святитель Серафим не мог бы послать свою книгу первоиерарху Русской Православной Церкви, митрополиту Петру (Полянскому), который находился в заточении на дальнем севере за полярным кругом. Святитель Серафим не мог бы послать свою книгу и митрополиту Кириллу Казанскому (Смирнову), бесспорно являющемуся в то время самым авторитетным русским архиереем (первым среди троих кандидатов на должность патриаршего местоблюстителя, на которого указал патриарх Тихон), также находящемуся в заточении в Сибири. Святитель Серафим не мог бы послать свою книгу и никому-либо из архиереев-исповедников, заявивших о своем отделении от митрополита Сергия, ибо даже в России не было известно о месте заточения большинства из них, а о некоторых – даже о том, живы ли они вообще.

Посылая свою книгу митрополиту Сергию через митрополита Елевферия, святитель Серафим пользуется единственным возможным способом, чтобы она стала достоянием православных христиан в России.

\* \* \*

Г-н Андрей Кострюков завершает обзор отношений святителя Серафима и Московской церковной власти предвоенного периода важным для построения своей логической конструкции выводом, а именно: что архиепископ Серафим «... не сомневался в полномочиях митрополита Сергия (Страгородского)».<sup>12</sup> Тот же вывод предлагается и в другой, еще более четкой формулировке: «Таким образом, еще до начала Второй мировой войны, архиепископ Серафим фактически признавал власть митрополита Сергия законной».<sup>13</sup> Для сергианского мышления это много значит, ибо формально законный, формально канонический епископ обладает непререкаемой властью, его прещения имеют силу, даже

---

<sup>12</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011, с. 71.

<sup>13</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011, с. 71.

когда они не согласуются с канонами. А отделение от него по какой бы то ни было причине является расколом и приводит к отпадению от Церкви. Формально канонический иерарх имеет право совершать любые безобразия, но несмотря на это все обязаны ему подчиняться. Наше время обогатило этот аспект сергианской доктрины и довело его до абсурда. Сегодня некоторые из апологетиков официального православия не стесняются твердить, что даже если «официальный» епископ открыто исповедует ересь, он не перестает быть «каноничным».

Не трудно убедиться, что этот вывод г-на Кострюкова столь же далек от истины, как далека сергианская ментальность от свободного во Христе духа святителя Серафима. Главный вопрос для святителя был не только и не единственно тот, является ли церковная власть Москвы законной по своему происхождению, а тот, являются ли действия этой власти законными. Для святителя Серафима законность в Церкви неразрывно связана с истиной. Любое из постановлений церковной власти может быть оценено с точки зрения его соответствия истине, и если оно ей не соответствует, то такое постановление не может быть признано каноническим и имеющим обязательную силу. Противное означает разрыв связи между истиной и канонами и превращение последних в автономную формально-законовую систему правил, которую можно ловко использовать для обоснования любой позиции. Последнее митрополит Сергей (Страгородский) постоянно демонстрировал. Напротив, образ действий святителя Серафима показывает, что ему было глубоко чуждо подобное формальное, законическое мышление. Когда в 1934 г. митрополит Сергей позволил себе «запретить» восемь архиереев Заграничного синода во главе с его председателем митрополитом Антонием (Храповицким), святитель Серафим, хотя лично и не был в списке «запрещенных», не признает этого решения, продолжает оставаться в составе Синода, участвует в его заседаниях и сослужит с «запрещенными». Отсюда не трудно сделать вывод, насколько неубедительно утверждение, что еще до Второй мировой войны святитель Серафим фактически признавал власть митрополита Сергея законной.



Итак, обобщая изложенное, можно определить церковную позицию святителя Серафима в период от издания Декларации митрополита Сергия 1927 г. до Второй мировой войны следующим образом: святитель всегда был абсолютно лояльным членом Заграничного Синода; по внутреннему убеждению, руководствуясь принципиальными соображениями он принимает решение о прекращении церковного общения с иерархией Московской патриархии; он не признает наложенные митрополитом Сергием запрещения заграничных иерархов и, как большинство архиереев за границей, не признает его церковной власти над собой, ибо расценивает его церковную политику как неприемлемую для Церкви; для него особенно недопустимо сотрудничество митрополита Сергия и его Синода с советской властью (которую святитель открыто называет «сатанинской»), приведшее в конечном итоге к полному подчинению церкви. В то же время он с состраданием относится к поработанному безбожниками русскому народу, жаждет освобождения своей страны и, особенно в начале войны, желает возвращения на родину, чтобы трудиться на благо возрождения Церкви Христовой в России. Можно со всей определенностью утверждать, что в этот период святитель Серафим не считает для себя возможным признать Московскую церковную власть над собой и соединиться с ее иерархией, как поступили некоторые из архиереев эмиграции.

\* \* \*

Как в таком случае объяснить переход святителя Серафима в Московскую патриархию после войны, в 1945 г.? Логика исследователей, связанных с сергианской доктриной, понятна: согласно ей для Владыки это был естественный поступок, ему ничего не пришлось менять в своих взглядах и своем отношении к Московской патриархии, ибо и раньше они не были отрицательными, и он фактически признавал власть митрополита Сергия законной и не сомневался в его полномочиях. Однако, это утверждение совсем не соответствует действительному положению вещей, в чем мы уже убедились. Напомним: что касается клира и верующих, которые страдали от гонений богоборцев, то к ним святитель не только не имел отрицательного отношения, но всей душой

сострадал им – и стойким исповедникам, и другим, тем, кто подчинился сергианскому Синоду. Напротив, к Московской церковной власти у святителя было другое отношение. Он вполне определенно заявлял, что сергианская церковная позиция – это хула на русских новомучеников и исповедников (см. выше цитату из письма митрополиту Вениамину (Федченкову)).

Но все же как можно объяснить его решение перейти в Московскую патриархию после войны?

В своем привычном стремлении отыскать простой ответ на этот вопрос мы можем испытывать сильные недоумения. Об этом нас предупреждает иеромонах Серафим (Роуз), который в подобном случае сказал: «...Церковная жизнь очень часто не может уложиться в удобные, рациональные и канонические категории.»<sup>14</sup> Действительно, в сложных ситуациях реальной жизни необходимо внимательное исследование мотивов, чтобы понять то или иное действие. Можем ли мы согласиться с тем, что святитель Серафим мог допустить компромисс со своей совестью перед лицом новой реальности после вступления советской армии в Болгарию? Это крайне неубедительно. Святитель давно и абсолютно забыл о себе самом, он оставил все личное и полностью предал свою жизнь в Божии руки. Вспомним, о том, что непосредственно после своей хиротонии в 1920 г., во время революции, он объявляет о своей готовности остаться в Советской России и принять неминуемую мученическую смерть при наступлении Красной армии на Одессу. Можно ли тогда предположить другое: то, что святитель был вынужден предпринять этот шаг из чувства пастырской ответственности за судьбу своих духовных чад и всей своей паствы, дабы попытаться таким образом сохранить их от коммунистических репрессий? Репрессиям было подвергнуто большинство русских эмигрантов первой волны,

---

<sup>14</sup> Hieromonk Seraphim (Rose). What Does the Catacomb Church Think? - In: *The Orthodox Word*, No. 96 (1981) pp. 21-23. Вот как начинается эта статья: «На первый взгляд может казаться курьезным сообщение митрополита Филарета, что архимандрит Таврион, который был катакомбным священнослужителем, присоединился к официальной церкви (Московской патриархии), не отказываясь от своих катакомбных убеждений и истинного Православия. Как это возможно? Не представляются ли это [катакомбная церковь и Московская патриархия] два вполне противоположные, друг друга отрицающие церковные общества?... Теоретически все выглядит именно так, но церковная жизнь часто не может вписаться в удобные рациональные и канонические категории.»

оказавшихся после войны в странах, попавших в зону советского влияния. Бесспорно, забота о «малых сих», вверенных ему Господом, была одной из главных причин, ради которой пастырь добрый не пожелал даже подумать о возможности эмигрировать в другую страну, вне сферы влияния советской власти, той власти, которую он продолжал считать «сатанинской» в силу ее богоборческого характера. Он остается в Болгарии, хотя знает, какая опасность ему грозит под властью коммунистов и что он не может быть спокойным даже за свою жизнь. Напротив, у него есть все основания предполагать, что он будет репрессирован. Большевицким спецслужбам были хорошо известны его «провинения» перед советской властью: его монархические убеждения, многолетняя активная деятельность в «реакционном» Карловацком Синоде. За гораздо меньшие деяния церковных лиц в России объявляли «контрреволюционерами», и они становились жертвами репрессивного аппарата.

Вот что пишет святитель Серафим в своих записках 5 декабря 1944 г. (по ст. ст.): «1 дек.<sup>15</sup> – день рождения; перед сном очень скорбно было на душе от мысли, что коммунисты убьют, но думал, что хорошо бы сразу убили и соединился со Христом; но жаль будет оставить моих детей; без меня рассыпятся каждый восвояси.»<sup>16</sup>

Впрочем, для святителя уход из Болгарии в эмиграцию вместе с немецкими войсками неприемлем. С самого начала войны Германии и СССР он не разделяет чаяний большей части русской эмиграции, что немецкая армия может освободить Россию от большевиков, он видит в немцах оккупантов, которые также опасны для России, как и сама большевицкая власть. 9 ноября 1941 г. святитель Серафим пишет в своих записках: «Ах, Царице Небесная, как скорбит моя душа, скорбит смертельно: Раньше надеялся, что отстрадается Россия и увидит спасение и возрождение. Ныне новому рабству подпадает – немецкому ...».<sup>17</sup>

---

<sup>15</sup> Все даты в рукописях светителя Серафима по церковному (юлианскому) календарю.

<sup>16</sup> Из записей светителя Серафима – личный архив игумении Серафимы (Ливен).

<sup>17</sup> Там же.

Обычно отмечают, что святитель был патриотом, что он во время войны не служил молебнов о победе Германии, не благословлял русских эмигрантов включаться в добровольческие корпуса немецкой армии. И это так. И в то же время нужно сделать особое уточнение, что он был **русским** патриотом, и никогда не стал советским патриотом. В его душе Советский Союз никогда не мог заменить Россию. В течение всей войны в своих молитвенных возгласах к Матери Божией он призывает Ее спасти Россию как от немцев, так и от большевиков («от Сталина со всей его бандой и всеми комиссарами...»). Таким же образом он молится и о Болгарии. 12-го июля 1944 г. святитель пишет: «...надвигаются и грозные тучи нависли над Болгарией: большевики приближаются к Болгарии. Сделай так (к Пресвятой Богородице – ск. м., К. Т.), чтобы их не было здесь или ч[то] б[ы] они не сломали режима правительства. Ах утешь нас! Ах обрадуй нас!» А 20 июля того же года: «Господи и Матерь Божия, внушите Народному Собранию вынести решение (куда склониться - к России или к немцам) соответствующее воле Вашей. Спасите Болгарию и всех нас! Вверяю, М. Б., воле Твоей, Твоему Покрову и Народное Собрание и всю Болгарию, и меня, и брата, и всех моих духовных возлюбленных детей!»<sup>18</sup>

Здесь надо упомянуть одно очень важное, даже роковое обстоятельство житейского креста святителя Серафима, ради которого ему было практически невозможно даже думать о том, чтобы снова пуститься в путь, в эмиграцию, сквозь хаос продолжающейся войны. Речь идет о тяжелом болезненном состоянии родного брата святителя Серафима, архимандрита Сергия, который жил вместе с ним и о ком святитель постоянно заботится всю свою эмигрантскую жизнь. Трудно себе представить, как много сил и времени отнимают эти заботы у святителя Серафима. Почти каждый день, а часто и несколько раз в день он служит молебны и акафисты, чтобы облегчить состояние своего брата. По ночам, когда архимандрит Сергий не может заснуть из-за своих страданий, святитель Серафим встает на молитву, лишая себя необходимого отдыха, часто проводя в молитве ночи напролет. Почти нет записи в дневнике святителя, в которой не возносились бы молитвы и не упоминалось бы о пережитых им

---

<sup>18</sup> Из записей святителя Серафима – личный архив игумении Серафимы (Ливен).

прошедшим днем или ночью тревогах, испытаниях, страданиях в связи с болезненным состоянием архимандрита Сергия.

\* \* \*

Обычно исследователи, связанные с Московской патриархией принимают, что святитель Серафим еще в 1943 г. «фактически» прерывает свою связь с Заграничным Синодом и ориентируется к Московской патриархии. В качестве аргумента в пользу этого мнения приводится факт, что святитель не присутствует на состоявшемся в Вене Архиерейском совещании осенью 1943 г., на котором участвующие в нем архиереи заявляют, что не признают «избрания» патриархом митрополита Сергия (Страгородского), состоявшееся в сентябре того же года. Одна из записей архиепископа Серафима объясняет нам, что он, в сущности, получает известие об этом совещании слишком поздно, в тот самый день, когда ему нужно было бы уже выезжать. К тому же святитель действительно не скрывает своего нежелания присутствовать на этом совещании, ибо он справедливо предполагает, что немецкие власти будут настаивать, чтобы Зарубежная Церковь объявила на нем, что не признает выбора патриарха Сергия. Это, конечно, не означает, что святитель Серафим был склонен признать этот выбор. Просто он не может согласиться с тем, что Церковь принимает свои решения под политическим натиском. Что касается «избрания» патриарха Сергия (Страгородского) и проводимой им церковной политики, то для святителя они по-прежнему неприемлемы, как и раньше. Об этом свидетельствуют записи святителя в 1943 г.: «30 сент. ... В алтаре о. А[ндрей Ливен] сообщил, со слов о. прот. Владим[ирского], что Болгарский Синод признал П[атриарха] Сергия. Сведения идут от М. Йосифа и М. Филарета. Да будет воля Твоя. У меня возникла мысль: просить Болг[арский] Синод принять меня в свою юрисдикцию и дать мне автономию, что бы ускользнуть от П[атриарха] Сергия и что бы оградить меня от большевиков.

1 окт. ... Очень разстроился от [новости] о. А[ндрея]: Болг[арский] Синод признал П[атриарха] Сергия вчера.

2 окт. ... Сегодня осенил Болг[арский] Синод иконой Божией Матери и вручил его в вопросе о признании П[атриарха] Сергия Ея воле и покрову.

Вчера было стеснение сердца от этого вопроса: о. А[ндрей (Ливен)] сказал в среду за всенощной в алтаре, что Б[олгарский] Синод признал П[атриарха] Сергия.

А сегодня в 5 ч. вечера о. А[ндрей] прислал письмо: не было в Синоде официальн[ого] суждения о П[атриарх]е Сергии, ибо не было по нему офиц[иального] обращения со стороны Советск[ой] власти.

Благодарю Тебя, Царица Небесная...».<sup>19</sup>

Из этих записей видно, что Священный Синод БПЦ имел достаточную свободу действий, несмотря на союзническое положение Болгарии по отношению к Германии. А в сущности, может быть именно благодаря этому. В момент, когда в войне наступает перевес в пользу Сталина, Синод БПЦ может позволить себе установить контакты с советскими властями, а также принять решение о признании интронизации в Москве патриарха Сергия (Страгородского). И хотя до официального решения дело так и не дошло, все же склонность к подобному признанию со стороны митрополита Софийского Стефана и большинства архиереев производит недоумение.

В своих записках того же дня, 2 октября (ст. ст.) 1943 г., святитель Серафим цитирует мысли первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Анастасия (Грибановского), по всей вероятности взятые из его письма к святителю Серафиму от 3 сентября (ст. ст.), в котором митрополит уведомляет его об интронизации патриарха Сергия:

«М[итрополит] С[ергий] анафематствовал всех рус[ких] епископов, борющихся против коммунистов. (мысли светителя Серафима – ск. м., К. Т.)

---

<sup>19</sup> Там же.

М[итрополит] А[настасий]: «До сих пор Ц[ерковь] отлучала от себя только еретиков, раскольников и конечно прежде всего неверующих безбожников, а теперь рус[ские] епископы (имеется ввиду Синод митрополита Сергия – ск. м., К. Т.) хотят отделить от общения с Ц[ерковью] всех, подвизающихся в борьбе против упорствующих и убежденных безбожников, вступая этим в противоречие со всеми заветами Христа Спасителя и Его Апостолов (Мф. 18:17; 1 Кор. 16: 22).»<sup>20</sup>

Очевидно и сам святитель Серафим разделяет эти мысли. Несомненно также, что он продолжает считать себя и свою паству частью Русской Зарубежной Церкви даже и после того, как Красная армия оккупировала Болгарию и были прерваны все связи как с митрополитом Анастасием, так и со всеми другими заграничными архиереями. Более того, он без колебания открыто заявляет об этом представителю советских властей. 16/29 сентября 1944 г., через двадцать дней после коммунистического переворота, святителя посетил представитель НКВД майор Звонецкий. 19 сентября/2 октября 1944 г. святитель Серафим записывает в своем дневнике:

«19 сент. Дня три назад был у меня майор Звонецкий ... Звонецкий: «Кому Вы подчиняетесь?» Я: «Заграничному Синоду Р[усской] Церкви.»

20 сент. М[ать] Божия, нельзя ли повелеть ч[то] б[ы] енкаведиеры не ходили ко мне. Ох, мне это тягостно ...»<sup>21</sup>

Это показывает, что владыка Серафим ни на йоту не отступил от своих прежних взглядов и не стал считать допустимым то, что прежде считал в принципе недопустимым. Он сохраняет самое теплое и сердечное отношение к митрополиту Анастасию, что засвидетельствовано в его записках:

«29 дек [1944 г.] Сон: М[итрополит] Анастасий здесь живет. Я ему: Как хорошо, что Вы здесь остались!!!»<sup>22</sup>

---

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же.

Несомненно, святитель Серафим чувствовал митрополита Анастасия своим единомышленником, человеком, на которого можно положиться и рассчитывать. И это было благодаря их единомыслию в вопросах веры, которые всегда имели для святителя Серафима первостепенное значение. Вне всякого сомнения, святитель не одобрял некоторые высказывания митрополита Анастасия и Заграничного Синода, в которых выражалась надежда на то, что немецкое наступление на восток приведет к освобождению России. Эти заявления, однако, относились к первым годам войны и отражали появившуюся в то время прогерманскую ориентацию большей части русской эмиграции, которая находилась в таком состоянии безысходности, вызванной существовавшим в России большевистским игмом, что была готова возложить свои надежды на освобождение родины на любую внешнюю силу, направленную против советской власти. Эти надежды, казалось тогда, оправдывались, когда появились сведения о массовом восстановлении церковной жизни и фактической свободе, которую немцы предоставляли верующим на оккупированных территориях. Святитель Серафим, однако, с самого начала войны не разделяет этих надежд и видит в Гитлере внешнего врага, не менее опасного для России, чем внутренний – большевистская власть.<sup>23</sup> Святитель также не одобряет возведение в сан митрополита Серафима (Ляде), немца по национальности, и епископскую хиротонию Филиппа (Гарднера) – деяния, которые в какой-то степени были

---

<sup>23</sup> Сам митрополит Анастасий и большинство заграничных иерархов приходят к такому же мнению еще во время войны – они сами начинают чувствовать ограничения, которые немецкие власти начинают навязывать на их деятельность. Митрополит Анастасий совсем недвусмысленно выразил это в своем «Послании к русским православным людям» в октябре 1945 г., в котором пишет: «Нельзя, конечно, скрывать того ныне общеизвестного факта, что истомленные безысходностью своего положения, доведенные почти до отчаяния царившим в России террором русские люди, как за границей, так и в самой России возлагали надежды на Гитлера, объявившего непримиримую борьбу коммунизму, (этим, как известно, и объясняется массовая сдача русских армий в плен в начале войны), но когда стало очевидным, что он стремится на самом деле к завоеванию Украины, Крыма и Кавказа и других богатейших районов России, что он не только презирает Русский народ, но стремится к его уничтожению, что по его приказанию наших пленных морили голодом, что германская армия при своем отступлении сжигала и разрушала до основания встречавшиеся ей на пути русские города и села, истребляла или увозила с собой их население, обрекала на смерть сотни тысяч евреев с женщинами и детьми, заставляла их заранее рыть для себя могилы, тогда сердца всех благоразумных людей обратились против него кроме тех, кто «хотели быть обманутыми»». – «Послание к русским православным людям по поводу «Обращения патриарха Алексия к архипастырям и клиру т. наз. Карловацкой ориентации»». Октябрь 1945 года. – В: Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия. Джорданвилль, стр. 217 – 218 – [http://www.rocor-dv.ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=52:1946-&catid=4:2010-11-27-14-44-34&Itemid=3](http://www.rocor-dv.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=52:1946-&catid=4:2010-11-27-14-44-34&Itemid=3).



обусловлены церковно-политическими соображениями, ибо не считал, что эти лица достойны высокого архиерейского сана и ответственности (особенно что касается Филиппа (Гарднера), оценка святителя, к сожалению, вполне оправдалась). Святитель Серафим, никогда не питавший ни малейшей иллюзии насчет того, может ли гитлеровская Германия сыграть роль освободительницы России от коммунистической власти, не раз отмечал, насколько его огорчают деяния, вызванные церковно-политическими интересами. В то же время в лице митрополита Анастасия он находит полное понимание и поддержку в том, что для него является самым главным – в сохранении чистоты веры, в борьбе с отклонениями от православного догматического Предания. Это и есть духовная основа взаимных добрых отношений и доверия между этими иерархами. Хотя к осени 1944 г. практически были прерваны все связи с Заграничным Синодом, святитель Серафим все еще придерживается его решений. Так, на заданный о. Голубцовым вопрос он отвечает: «17 окт. ... О. Голубцову сказал: нельзя признать М[итрополита] Алексия - был собор заграничных архиереев – разве будет давление. О. Г[олубцов]: да.»<sup>24</sup>

Дистанцированная позиция святителя Серафима по отношению к германским властям во время войны становится известной и играет положительную роль в отношениях к нему прибывших в Болгарию советских представителей. Вероятно, в то время советские власти искали любой возможности, чтобы привлечь на свою сторону иерархию Русской Зарубежной Церкви. В вышеизложенной беседе святителя с майором НКВД Звонецким последний выражает мнение, что «Собор соберется и пересмотрит вопрос об отношении Рус[ской] Зарубеж[ной] Церкви к советской власти в виду ее изменения отношения к Церкви». И добавляет: «Несомненно».<sup>25</sup> В этом смысле святитель Серафим, как заграничный архиерей, пользующийся любовью и доверием своей паствы, у которого очевидно отсутствуют какие-либо прогерманские настроения, бесспорно представлял положительный интерес для советской внешней политики. До Владыки доходят сведения об изъявлениях главенствующих советских предста-

---

<sup>24</sup> Из записей святителя Серафима – личный архив игуменьи Серафимы (Ливен).

<sup>25</sup> Там же.

вителей в Болгарии, что в отношении к нему и его духовенства «есть распоряжение не трогать, разве если будут бороться против большевиков.»<sup>26</sup> Очевидно, злободневные политические интересы заставляют большевиков «забыть» до времени о монархических и антикоммунистических взглядах святителя. Несомненно, все это промыслительно. Еще одно обстоятельство свидетельствует в пользу этого. Летом 1944 г. святитель ожидает разрешения на публикацию его проповедей. Цензурный комитет, однако, сначала отвечает отказом. Разрешение получено лишь в начале августа, всего за месяц до вступления Красной армии в Болгарию. Это промыслительное опоздание позволяет святителю со всей ясностью осознать мрачную перспективу, ожидающую страну. Советская армия уже оккупирует Румынию. Проповеди претерпевают последнюю редакцию, при которой в них устранены прямые антибольшевистские высказывания – противное явилось бы безумным вызовом накануне угрожающей Болгарии волны коммунистического террора. Впрочем, святитель Серафим, в знак особого Божиего покровительства, удостоивается и других уверений и утешений – не от мира сего. В его записках мы читаем:

«3 нояб. [1943 г.]... Сон вчера после обеда: в зеленой ризе священнической служил молебен. А по окончании эту ризу отнесли о. Иоанну Кр[онщадско]му служить молебен.

Сегодня после обеда. Сон: при пробуждении слышал в ушах своих голос: никакого несчастья не будет.

28 дек. Бомбардировка Софии небывалая! Масса убитых и раненых. Массовое разрушение домов. Наш район Господь и Матерь Божия сохранили ...».<sup>27</sup>

Но, несмотря на внешнеполитические интересы, большевистская власть не меняет своего нрава, проявляя параноическое недоверие и подозрительность. 27 ноября/10 декабря 1944 г., в воскресенье, в 5 ч. утра (в своих записках святитель Серафим отмечает праздник – память Иконы Божией Матери «Знамение»), в

---

<sup>26</sup> Там же, 29 окт. 1944 г.

<sup>27</sup> Там же.

одно и то же время в его скромной квартире на ул. Велико Тырново» и в Кокалянском монастыре (который тогда находился в юрисдикции архиепископа Серафима и где Владыка проводил большую часть времени), был проведен обыск. Воскресают воспоминания о пережитом в России, начиная с литийного шествия в Воронежском монастыре в 1919 г., когда молодой архимандрит Серафим чудом избежал расстрела от рук большевиков. На четвертый день после обыска, 1/14 декабря, в свой день рождения, святитель засыпает с гнетущими мыслями о том, что коммунисты, вероятно, его убьют. Он возлагает все свое упование на благодатную помощь Матери Божией и Спасителя. Святитель Серафим обладал не просто сильной верой в Бога, а по-детски не сомневающимся и безграничным доверием к Нему. Он всецело предает себя Божией воле, которую жаждет всем своим сердцем и которой следует. Нам трудно даже осознать, насколько это далеко от наших обычных настроений, очень точно выраженных покойным митрополитом Виталием (Устиновым), четвертым первоиерархом Заграничной Церкви: »Верим, да не доверяем...»

\* \* \*

Итак, принципы святителя Серафима не изменились. Изменились обстоятельства. В 1945 г. по его мнению уже имелся налицо минимум условий, необходимых для перехода в юрисдикцию Московской патриархии. Действительно, в годы Второй мировой войны в церковной жизни в России наступают существенные перемены. Как отмечалось выше, накануне Второй мировой войны Церковь в Советском Союзе, что касается ее легальной структуры, сведена до предела полного уничтожения. Но война меняет текущие планы советского правительства. Внимание переключается на сильного внешнего врага. Для верующих наступает известное облегчение. Значительно сокращается нескончаемый до того момента поток антирелигиозной пропаганды. Советское руководство принимает во внимание факт, что немцы обрели большую симпатию среди местного населения на оккупированных территориях тем, что предоставили религиозную свободу. Советская власть хорошо понимает, что может использовать Церковь для того, чтобы устремить патриотические и рели-

гиозные чувства в антигерманское русло. Но не только по этой причине Сталин радикально меняет советскую политику в отношении к Церкви. Важным мотивом для него являются планы использования ее в целях советской внешней политики после войны, что мы и видим впоследствии.

4 сентября 1943 г. Сталин призывает к себе троих митрополитов: Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). Диктатор объявляет им свою новую церковную политику – восстановление церковной жизни: открытие храмов, духовных учебных заведений, разрешение на издание официального церковного органа ... Всего через четыре дня, 8 сентября 1943 г., состоялся собор из 19 архиереев, на котором митрополит Сергий был «избран» патриархом Московским и Всероссийским. Многих архиереев доставили на собор в Москву на военных самолетах. Кандидат был единственный, голосование – явное. Еще через четыре дня, 12 сентября, вышел из печати первый номер возобновленного официального церковного органа – «Журнала Московской патриархии». События развиваются «сталинскими» темпами, и под соответствующим контролем.

Однако, существует нечто, не поддающееся контролю – освобожденное религиозное чувство народа. Уже при первых веяниях либерализации, при первых признаках того, что преследования приостановились, или значительно ограничились, освобожденная вера русского народа выплескивается, как бурная волна, и выясняется, что результаты двух с половиной десятилетий преследований, мощной антирелигиозной пропаганды и «безбожных» пятилеток оказались намного слабее того, чего ожидали коммунисты. В докладе спецслужб о праздновании Пасхи в следующем 1944 г., предназначенном для Сталина, сообщается:

«В ночь на 15 и 16 апреля во всех городах и районах союза, где есть действующие православные церкви, состоялась ночная пасхальная служба, т. наз. «заутреня». В г. Москве пасхальная служба проводилась в 30 церквях патриаршеской ориентации и в одной обновленческой, причем все церкви были

переполнены верующими. Общее число посетивших церкви в г. Москве на первой «заутрене» приблизительно составляет 120 тысяч человек, но во многих церквях в эту ночь было две и три службы».<sup>28</sup> В наиболее посещаемых московских соборах на службах присутствовало 8 – 10 тысяч человек. Подобные сводки донесений и по Московской области. Эти цифры красноречивы сами по себе. В главных московских соборах на богослужениях присутствовали представители и сотрудники посольств союзных государств и иностранные корреспонденты, благодаря которым эта информация стала достоянием внешнего мира.

15 мая 1944 г., через 8 месяцев после интронизации, умирает митрополит Сергей (Страгородский). Московская патриархия лишается своего руководителя, являющегося самой противоречивой личностью, основного инициатора и идеолога соглашательской политики, названной его именем. В совет по делам РПЦ и лично его председателю Карпову поступают все более многочисленные просьбы (хотя и в прежнем верноподданническом стиле), об удовлетворении различных нужд Церкви – об освобождении клириков из тюрем и ссылок, о возвращении храмов ... Далеко не все просьбы удовлетворяются, ибо коммунистическим функционерам эта тенденция совсем не по нраву, но все же они вынуждены сделать некоторые уступки. Многие инициативы исходят от верующих и через епархиальных архиереев поддерживаются патриархией. Поступили даже требования вернуть в храмы из музеев и других государственных учреждений мощи некоторых святых.<sup>29</sup> 20 апреля 1946 г., в Великую Субботу, были возвращены мощи св. Сергия Радонежского. Важнее успеха в конкретных случаях было то, что эти инициативы верующих, поддержанные патриархией, по существу являлись попыткой ревизии большевистской государственной политики 20-х годов. И государство не санкционировало это.

---

<sup>28</sup> Государственный архив Российской Федерации, фонд 6991, опись 1, дело 2, листы 14 и 14 оборотный. Оп.: Московская правда. 26 апреля 1997 г. – <http://krotov.info/acts/20/1940/19440416.html>.

<sup>29</sup> Требования возвращения святых мощей особенно неприятны для высокопоставленных чиновников. В какой-то момент председатель совета по делам РПЦ Карпов даже внес предложение уничтожить все мощи, которые до того момента не были востребованы верующими.

В то же время начинается подготовка к избранию нового патриарха. Было решено, что оно будет проходить уже не на архиерейском, а на поместном соборе. Собор состоялся с 31 января по 2 февраля 1945 г. при участии 171 делегатов от 89 епархий. Присутствовали делегации семи Поместных православных церквей, причем три из них возглавлялись патриархами. Патриархом был избран митрополит Алексей (Симанский). Выбор также, как и предыдущий, был predetermined, ибо кандидат был единственный и голосование явное, но присутствие представителей автокефальных церквей придавало ему авторитет. Сталин щедро осыпал иностранных гостей дорогими подарками. Их доброжелательные отзывы имели очень важное значение для успеха советской пропаганды за рубежом, которая провозглашала, что Церковь в СССР пользуется полной свободой и даже поддержкой советской власти. Эта пропаганда становится все более массовой и весьма убедительной, ибо уже может опереться и на объективные данные. Действительно, наряду с умножившимся количеством архиереев, во время войны увеличилось число действующих храмов. Если до войны на всей территории Советского Союза действовало менее 200 храмов и ни одного монастыря, то к окончанию войны уже было около 14 500 храмов и более 100 монастырей.

Что, однако, скрывается за этими цифрами? Согласно исследованию современного русского историка, профессора Михаила Шкаровского, на которые ссылается и Андрей Кострюков, советские власти реально открыли в России не более 1000 храмов и вернули Церкви только один монастырь – Троице-Сергиеву Лавру. Даже в годы войны коммунисты закрыли больше храмов, чем открыли. Из всех 14 000 храмов 9 500 были открыты немцами на оккупированных территориях. 2 500 из них были вновь закрыты при возвращении на эти территории Красной армии. Остальное увеличение на 6 600 храмов наполовину было за счет присоединенных к Советскому Союзу в 1939 г. западных областей в результате заключения с Германией известного «Пакта Риббентропа-Молотова», и наполовину – за счет присоединенных к Московской патриархии униат-

ских общин. Конечно, насчет этих «особенностей» сталинского «церковного возрождения» того времени за рубежом не было известно ничего<sup>30</sup>.

Можно со всей определенностью утверждать, что послевоенная советская пропаганда пользовалась большим успехом среди русской эмиграции, ибо весьма умело использовала ее патриотические и религиозные чувства. Так например, две трети паствы святителя Иоанна (Максимовича) в Шанхае решает репатриироваться в Советский Союз и только треть уходит со святителем в эмиграцию. Но не только среди эмигрантов, от которых тщательно скрывается действительная картина советской реальности, создаются благоприятные для советского правительства настроения. В самом Советском Союзе во время войны были большие ожидания значительных общественных и церковных перемен. Вот что пишет о настроениях того времени известный исповедник Борис Талантов, погибший в советском застенке в 1971 г.: «Все верующие в России считали и считают Вторую мировую войну как гнев Божий за величайшее беззаконие, нечестие и гонение на христиан, имевшее место в России с начала октябрьской революции... В то время в народе и в армии открыто говорили о коренных изменениях внутренних порядков в стране. Народ надеялся, что сразу после окончания войны будут объявлены: свобода занятий и в частности роспуск колхозов, свобода партий и свобода совести...».<sup>31</sup>

Святитель Серафим также разделяет эти ожидания. Он надеется, что советское правительство продолжит свои положительные действия в отношении Церкви, и Она, наконец, займет подобающее ей место в обществе. В то же время у святителя имелись и некоторые объективные основания для того, чтобы сделать заключение, что Церкви уже предоставлена (хотя и ограниченная) свобода, которая позволяет ей развивать свою душеспасительную деятельность среди русского народа. Здесь нужно упомянуть, что духовные чада святителя Серафима отмечают, что он, будучи человеком высокой духовной жизни, в то же

---

<sup>30</sup> Андрей Кострюков. Указ. съч., сс. 110-111.

<sup>31</sup> Борис Талантов. Сергиевщина, или приспособление к атеизму (Иродова закваска). – «Православная жизнь», Джорданвилль, США, № 4-5, 2006 г.

<http://www.russian-inok.org/page.php?page=tema1&dir=tema&month=0307>

время был исключительно простодушным и доверчивым. Его простая и открытая христианская душа не могла даже предположить глубину демонического коварства и издевательства советской власти, проявленные в отношении, например, поверивших ее пропаганде и вернувшихся в СССР русских эмигрантов, большая часть которых была отправлена в концлагеря или сослана в глухие и отдаленные от европейской части края России, а многие были сразу же расстреляны. Люди и информация о них исчезают в советском государстве, как в черной дыре, и мир ничего не знает о происходящем там. Союзные правительства молчат. Некоторые из них, как например, английское, даже покрывают себя позором, содействуя преступлениям сталинского режима тем, что выдают ему беженцев из СССР, находившихся в контролируемых ими оккупационных зонах.

7 июля 1945 г. архиепископ Серафим беседует с близкими ему болгарскими епископом Парфением и архимандритом Мефодием, незадолго до того вернувшимися из Москвы, где они были в составе церковной делегации, возглавляемой председателем Синода БПЦ экзархом Стефаном.

Делегация имела встречу и с председателем Совета по делам РПЦ Карповым, который в своей речи подчеркнул возросшую мощь и силу Советского государства, которое расширило свое влияние «на всем Ближнем Востоке, и на Севере, и на Юге, и на Востоке и Западе». В беседе со святителем Серафимом епископ Парфений и архимандрит Мефодий высказали коренно противоположные оценки. В своих записках святитель Серафим пишет: «...о. Мефодию не понравилась очевидно эта речь и он: «Карпов хитрый, дрянь, шпион». Я не согласен. Я более согласен с еп. Парф[ением]: «Карпов Ангел Хранитель Рус[ской] Ц[еркви]. Он побудил Сталина [к положительным переменам]...».<sup>32</sup> То, что святитель предпочел последнее, положительное, мнение, весьма показательно для его настроения, ибо в то время он исполнен надежд на светлое будущее Русской Церкви.

---

<sup>32</sup> Из записей святителя Серафима – личный архив игумении Серафимы (Ливен).



Немаловажное значение для него имела также и личность нового московского патриарха. В его лице святитель надеялся увидеть иерарха, который не будет продолжать политику Сергия (Страгородского), тем более при изменившихся, как он верил, обстоятельствах. Почему выбор Алексия (Симанского) казался святителю Серафиму приемлемым? По сути здесь выявляются основные критерии, по которым святитель Серафим оценивал возможность своего перехода в Московскую патриархию. Их две: как всегда и во всем святитель Серафим ставит чистоту вероисповедания на первом месте; на втором месте – это вопрос о свободе Церкви, то есть о ее отношений с властями. Как было сказано выше, относительно второго пункта, мнение святителя частично формировалось объективными или кажущимися положительными переменами, и частично – на его надежду что они в будущем продолжатся. Что касается первого пункта, личность нового патриарха Алексия выглядела приемлемой. Приведем свидетельство о нем многолетнего секретаря Заграничного Синода епископа Григория (Граббе): «Лично Патриарх Алексей, по-видимому, был чужд церковного либерализма и модернизма...».<sup>33</sup> Впрочем, в отношении вероисповедания Церковь в России в целом в то время могла служить образцом для других поместных православных церквей.

\* \* \*

Учитывая дистанцию времени и ту информацию, которую мы имеем сегодня о фактической советской церковной политике того периода с ее действительными мотивами и тайной закулисной деятельностью, мы можем утверждать, что надежды святителя Серафима на светлое будущее для Церкви в Советском союзе в то время не основывались на достоверных данных об истинном положении вещей. Возможно, это неведение также промыслительно. Во всяком случае, упования святителя не были посрамлены. Божий благодатный покров над ним чудесным образом до конца дней не оставляет ни его, ни его духовных чад, ни его паству.

---

<sup>33</sup> Епископ Григорий (Граббе), Русская Церковь перед лицом господствующего зла. Джорданвилль, 1991, Глава 10 – <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=408>

После вступления советской армии в Болгарию страна залита красным террором. Большевистские спецслужбы начинают выискивать и арестовывать русских эмигрантов. В первую очередь под их прицелом оказываются бывшие белогвардейские офицеры. Кто еще, если не «реакционные попы» должны быть рядом с ними? Тем более, сам архиепископ Серафим – монархист, антикоммунист, член ненавистного Карловацкого Синода. Однако мы увидели как в силу сложных интересов советской внешней политики святитель был поставлен в особое положение, благодаря чему он избежал репрессий, несмотря на недоверие к нему, несмотря на то, что он остался «чуждым элементом» в реальностях коммунистической системы. В 1945 г. в Москву поступают доносы о его монархических убеждениях и антисоветских высказываниях в прошлом. И снова – без никаких последствий! Более того – это даже не явилось препятствием для его приятия в Московскую патриархию. В самой патриархии (по свидетельству А. Кострюкова) считают нахождение на посту управляющего русскими церковными общинами в Болгарии святителя Серафима как временное, однако он остается на этом посту до конца своих дней, несмотря на отсутствие доверия к нему.<sup>34</sup>

В то время Церковь в Болгарии под гнетом атеистической власти подвергалась маргинализации, а в связи с появившимися болгарскими обновленцами сотрясалась и от внутренних нестроений. Святитель Серафим принимает меры, внося умиротворение<sup>35</sup>, и благодаря его решительной помощи болгарский епископат овладевает положением.

Когда в Советском Союзе возобновились ограничения церковной жизни и снова начали закрываться монастыри (особенно после 1948 г.), святитель Серафим основывает новый монастырь! Это происходит в конце 1949 г. Всесильная советская власть против; болгарский посол в Москве предупрежден о том, что это нежелательно. Подобные предупреждения с советской стороны принимаются в то время в Болгарии как неподлежащие обсуждению приказы, но в данном случае это остается без последствий. И что еще удивительнее – болгар-

<sup>34</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011, с. 117.

<sup>35</sup> См. его статью в газете «Църковен вестник», № 45, за 19 декабря 1949 г.

ское правительство не имеет ничего против основания монастыря, и даже предоставляет помещения для монахинь в центре Софии. Правда, правительство проявляет и «строгость», накладывает и «ограничения». Так например, оно не предоставляет помещения для монахинь в соседстве с русским храмом св. Николая Чудотворца, как просил святитель, а в другом месте, хотя тоже в центре города – на ул. Шестого сентября. Также правительство отказывает в просьбе святителя в организации свечного завода при будущем Покровском монастыре для содержания монахинь, разрешив создать только небольшую мастерскую по производству свечей лишь для нужд храмов русских церковных общин. На фоне возобновившихся ограничений Церкви в СССР, а также на фоне репрессий священников в Болгарии, как и полного контроля спецслужбами Болгарской Православной Церкви эти «рестрикции» являются еще одним красноречивым свидетельством о дивной благодатной помощи свыше, которую непрерывно получал Софийский Чудотворец.

Чем еще можно объяснить факт, что всемогущая советская власть, почти до основания уничтожившая храмы и монастыри Русской Православной Церкви на всей огромной территории страны, не может остановить инициативу одного архиерея и нескольких незащищенных монахинь, а ее верный сателлит в лице болгарского коммунистического правительства даже им содействует вопреки своей антирелигиозной политике? Объяснение мы находим в Слове Божиим, которое учит нас о том, какую силу имеет молитва праведника и насколько бессильны пред волей Божией даже самые могущественные земные владетели.

Невероятно, но может быть всего только один раз советским властям удается наложить свою волю, когда в 1948 г., за полтора года до смерти святителя, они запрещают патриарху Алексию послать его на служение в Париж, потому что считают его политически неблагонадежным лицом. Благодаря этому, однако, мощи святителя после его кончины остаются для упокоения на болгарской земле, в крипте его любимого храма, и поток верующих, приходящих к нему для поклонения не только не уменьшается, а все более увеличивается. Очевидно, и

этот единственный «успех» советской власти оказывается также исполнением Божиего промысла.

Но все же, разве не более убедительно рациональное объяснение спасения святителя и его паствы от рук безбожников, а именно – что это спасение было результатом его включения в новую реальность путем вступления в Московскую патриархию и получения (в 1946 г.) советского гражданства? Во-первых, как мы уже выяснили, в данном случае речь идет не столько о том, что святитель остался в живых, а главное что он успел осуществить свои инициативы вопреки активно проводившейся антирелигиозной политики властей. И во-вторых, аналогичные действия не оградили от преследований других архиереев, перешедших в Московскую патриархию – митр. Серафима (Лукиянова), митр. Нестора (Анисимова) и многих других, не помогли им избежать преследований. Некоторые из них демонстрировали совсем лояльное и почтительное отношение к Московской патриархии; другие доказали свою лояльность не только к ней, но и к советской власти, причем еще до войны; третьи старались после перехода в Московскую патриархию наверстать упущенное, выслуживаясь перед ней беспринципным отступлением от своих прежних позиций и заявлениями против Заграничной Церкви. Но даже такое поведение не помогло им. Лишение занимаемых должностей, увольнение на покой, насильственная репатриация в Советский Союз, заточение в глухие монастыри, заключение в лагеря – такой была их участь. Единственным исключением был лишь политически неблагонадежный монархист и антикоммунист архиепископ Серафим (Соболев)! Причем за пять с половиной лет, которые ему пришлось провести под коммунистическим управлением в Болгарии, он ни разу ни словом, ни делом не выразил какого-либо изменения в своем отношении к этой власти, не произнес в ее адрес ни слова подхалимства (заискивания) или похвалы.

\* \* \*

Неизменным оставалось отношение святителя Серафима и к РПЦЗ. На поверхности событий кажется, что пути святителя и Зарубежной Церкви корен-

но разошлись как бы даже в противоположных направлениях. Заграничные архиереи, не признавая законность московской церковной власти, продолжают воздерживаться от общения с Московской патриархией. Софийский же святитель, напротив, переходит в ее юрисдикцию и признает над собой власть ее патриарха. В то же время за четыре с небольшим года своего пребывания в юрисдикции МП, последние в его жизни, святитель Серафим не произносит ни одного слова хулы или осуждения в адрес Заграничного Синода; он не отмеживается ни каким образом от синодальных дел и позиций; не критикует ни одного из его решений и действий. Святитель не выражает критическое отношение включительно и к позиции восстановленного после войны Архиерейского Собора РПЦЗ, изложенной в Определении от 9 мая 1946 г., в котором Собор объявляет, что не может признать над собой власть избранного год тому назад патриарха Алексия (Симанского) и что будет продолжать воздерживаться от общения с иерархией Московской патриархии. И это не удивительно. Святителю Серафиму были понятны мотивы Заграничного синода, которые до недавнего времени определяли и его собственные действия. Святитель Серафим, как и все заграничные архиереи, всегда защищал свободу Церкви. Новой была лишь оценка конкретной ситуации. Святитель считал, что в данный момент воссоединение с иерархией Московской патриархии уже допустимо. Это решение святителя можно объяснить той информацией о советской действительности и в частности об отношении советского правительства к Церкви, которую он получает. Эта информация поступает к нему косвенно - через болгарских духовных лиц, посещавших Россию в составе официальных церковных делегаций, не считая сведений, распространяемых советской пропагандой. С другой стороны, Заграничный Синод на свободном от коммунизма Западе, располагает иными сведениями, которые рассеивают жесткий информационный занавес, спускаемый советскими властями. В октябре 1945 г. митрополит Анастасий пишет: «Нас радовал бы каждый просвет в жизни наших страждущих братьев в России, если бы могли быть уверены, что он существует на самом деле. К сожалению, достоверные известия, привезенные прибывшими оттуда во время войны, вполне авторитетными духовными лицами и другими преданными

Церкви людьми и особенно тот факт, что некоторые из поверивших добрым обещаниям и настойчивым призывам Советов и поспешивших возвратиться после войны на Родину, снова поспешили бежать из нее за границу, - не дают нам возможности успокоиться на этой мысли.»<sup>36</sup>

Но несмотря на то, что святитель Серафим и заграничные архиереи по-разному оценивают ситуацию и соответственно по-разному действуют, все же, если мы внимательно рассмотрим мотивацию, цели и даже результаты действий обеих сторон, мы увидим, что они удивительно идентичны! И это объяснимо, ибо, вопреки внешних различий, они по сути остаются на одинаковых принципиальных позициях. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий и заграничные архиереи, не признавая и не доверяя московским церковным властям, предупреждают русскую эмиграцию об опасностях репатриации в Советский Союз, чем спасают всех, кто прислушивается к их голосу. Как уже упоминалось, судьба русских эмигрантов, поверивших советской пропаганде и вернувшихся в СССР, трагична – большинство из них брошены в советские лагеря, а некоторые немедленно расстреляны. Святитель Серафим, перейдя в юрисдикцию Московской патриархии, хотя и попадает в сферу советской власти вместе со своей паствой, по Божию промыслу спасает ее от репрессий.

Заграничный Синод защищает свободу Церкви, ограждая ее от общения с Московской патриархией. Таким образом он пресекает единственный возможный путь влияния со стороны коммунистических властей – посредством священноначалия, которое подчиненное им. Святитель Серафим сохраняет свободу церковной жизни своей паствы от посягательств тех же властей, благодаря особому Божию заступничеству: он поставлен в уникальное положение относительной независимости, с одной стороны, от Московской церковной власти, к юрисдикции которой он принадлежит, но в чьей канонической территории (диоцезе) не находится; с другой стороны, эта

---

<sup>36</sup> «Послание к русским православным людям по поводу «Обращения патриарха Алексия к архипастырям и клиру т. наз. Карловацкой ориентации». Октябрь 1945 года. Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия. Джорданвилль, стр. 217-218. – [http://www.roc-dv.ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=52:1946-&catid=4:2010-11-27-14-44-34&Itemid=3](http://www.roc-dv.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=52:1946-&catid=4:2010-11-27-14-44-34&Itemid=3).

независимость простирается на Синод Болгарской Православной Церкви, в чьей канонической территории (диоцезе) он находится, но к чьей юрисдикции не принадлежит.

Заграничные архиереи неуклонно идут путем, начертанным для Церкви святыми отцами, придерживаясь общего правила, определенного для Церкви в подобных случаях. Путь же Софийского Чудотворца одно из тех исключений из общего правила, доступных только Божиим избранникам – исключения, которые подтверждают это самое правило, ибо они по духу находятся в глубоком внутреннем единстве с ним. Образно говоря, в то время, как заграничные архиереи, как пастыри добрые, спасая свое стадо, уводят его в безопасное место, «далече» от «разженной вавилонской печи» богоборческого коммунизма, грозящая поглотить овец Христовых; а святитель Серафим, находясь среди этого пламени вместе со своим стадом и не имея никакой возможности вывести его оттуда в безопасное место, сам, как ангел-хранитель, защищает его.

Зарубежная Церковь несет свою миссию среди народов, свободных от гнета коммунистической диктатуры, открывая им возможность коснуться спасительных истин христианской веры в ее неповрежденном виде, несет ее сквозь время, чтобы истинная вера стала достоянием будущих поколений. Святитель Серафим утверждает своих духовных чад и свою паству в той же апостольской вере, оставляя им в наследство свое дело, которое становится живым началом духовной жизни в основанной им Княжевской святой обители, где подвизались ближайшие и самые верные чада святителя. Из корней этой обители выросла и Болгарская Православная Старостильная Церковь, которая в 1994 г. установила полное церковное общение с Русской Православной Зарубежной Церковью, и таким образом пути, по которым шли Заграничный Синод и святитель Серафим, вновь соединились.

Именно Русская Православная Зарубежная Церковь в период после Второй мировой войны явила наибольшее количество архиереев праведной жизни. Святость же Софийского Чудотворца засвидетельствована Богом преизобильной

благодатью, дарованной ему. И в том, и в другом случае мы видим плоды «все Того же Духа».

Зарубежная Церковь свято хранит чистоту веры, осуждает всеересь экуменизма и другие отступления, которые все сильнее овладевают официальным православием. Против экуменического общения в любых его формах и вообще против любых нововведений в Церкви, включая и календарную реформу, выступал и святитель Серафим на Московском совещании в 1948 г.

Имея в виду все, что здесь сказано, удивительно ли, что после своего перехода в Московскую патриархию, святитель ни разу не заявил о каком-либо отмежевании от заграничной иерархии?

Впрочем, г-н Кострюков также отмечает факт, что, присоединяясь к Московской патриархии, святитель Серафим никогда не бросал камней (в отличие от некоторых других иерархов) в Русскую Православную Зарубежную Церковь. Тем не менее, автор оказался не в состоянии оценить действия святителя как нечто более, чем «глубокая добропорядочность», ибо г-н Кострюков не увидел глубокой духовной основы такого поведения. И если в данном случае его оценка страдает лишь недостаточной глубиной, то в дальнейшем в силу своих церковно-политических привязанностей автор доходит до того, что выставляет святителя в каком-то, прямо говоря, недостойном свете – только ради необходимости обосновать свою спекулятивную церковно-политическую точку зрения.

Кострюков сообщает,<sup>37</sup> что 15 апреля 1945 г. святитель Серафим направляет патриарху Алексию письменную просьбу принять его в юрисдикцию Московской патриархии. К сожалению, это письмо, как и другие ценные документы этого периода жизни святителя, хранящиеся в архиве ОВЦ (Отдел внешних связей Церкви) МП и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), недоступны для нас, в силу чего у нас нет возможности рассмотреть приведенные автором цитаты в целостном контексте письма святителя. Но даже и при

---

<sup>37</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011, с. 114.



таким изложением, в отрыве от контекста, эти цитаты ясно свидетельствуют об очевидной тенденциозности их интерпретации г-ном Кострюковым. Так например, автор сообщает, что упомянутое письмо святителя Серафима патриарху Алексию заканчивается словами: «Должен присовокупить ..., что в 1937 году покойным патриархом, тогда еще митрополитом Сергием, я не был запрещен в священнослужении, когда им были запрещены почти все заграничные русские архиереи».<sup>38</sup> Очевидно, что в самом тексте письма г-н Кострюков не нашел ничего более подходящего для подтверждения своей точки зрения и потому обосновывает ее исключительно этими словами. Он пишет: «В этих словах - и стремление отмежеваться от Заграничного Синода, и признание митрополита Сергия патриархом, и, наконец, оценка его запретительного Указа от 22 июня 1934 года, как возможного препятствия для объединения с Церковью на Родине.»<sup>39</sup> Давайте рассмотрим последовательно все три утверждения.

1. **«... Стремление отмежеваться от Заграничного Синода...»** – хочется верить, что автор не вполне сознает что равнозначно подобное использование светлой личности Софийского Чудотворца в церковно-политических целях. Стараясь представить его «своим» по отношению к Московской патриархии, автор приписывает ему недостойное конъюнктурное поведение: еще вчера святитель заседал в Заграничном Синоде, а уже сегодня «стремится» отмежеваться от него, чтобы быть принятым в патриархию. Отмежеваться в каком смысле? Здесь очевидна попытка внушить, что речь идет об отмежевании от принципиальных позиций заграничных архиереев с их неприятием коллаборационистской сергианской церковной политики. Ведь если бы это было на самом деле, то это означало бы, что святитель Серафим отрекается от своих же собственных принципов! Приписывать конформизм и беспринципность Софийскому святителю по-просту означает произносить хулу на него

---

<sup>38</sup> Там же, с. 114-115.

<sup>39</sup> Там же, с. 115.

самого, никогда в жизни не допускающего даже тени подобной мотивации.

2. **«... Признание митрополита Сергия патриархом...»** – мы оцениваем, что г-н Кострюков не имел доступа к вышеприведенным запискам святителя Серафима, которые бесспорно свидетельствуют о том, каким было его отношение не только к политике митрополита Сергия до и во время войны, но и к «выборам» последнего патриархом Русской Церкви. Мы уже останавливались и на том, какое непомерно большое значение сергианский образ мышления придает формальной законности, и как он далек от способности оценить по существу законность действий данной церковной власти. Поэтому нам понятно настаивание автора на том, что он открыл «доказательство», что святитель Серафим признал «избрание» митрополита Сергия патриархом. И все же мы не можем не задать автору вопрос – в признании чьей «законности» он настаивает? «Выборов», организованных в четыре дня Сталиным и советской администрацией, и проведенных на «соборе» из девятнадцати архиереев, доставленных в административном советском порядке с целью единодушно «проголосовать» за единственную кандидатуру?... – То, что святитель Серафим называл Сергия (Страгородского) «патриархом» совсем не значит, что его «избрание» патриархом стало для святителя Серафима приемлемым, или что для него стала приемлемой сергианская церковная политика. Сегодня те православные христиане, которые воздерживаются от церковного общения с т. наз. «официальным православием», также именуют иерархов официальных церквей «патриархами» и «митрополитами», что, однако, совсем не значит, что они единомышленники с ними в вопросах веры. Впрочем, как видно из приведенной выше цитаты, титул «патриарх» по отношению к Алексию (Симанскому) использует и секретарь Заграничного Синода, епископ Григорий (Граббе), причем именно в тексте, в котором он обосновывает

позицию Зарубежной Церкви по вопросу о невозможности признания его избрания. Также и Заграничный Архиерейский собор в своем Определении от 9 мая 1946 г. именует Алексия (Симанского) «патриархом» в том документе, в котором объявляет, что не может признать над собой его церковную власть и войти в церковное общение с возглавляемой им иерархией. Итак, в том, что святитель Серафим называет Сергия (Страгородского) патриархом, не следует усматривать ничего более, чем обычного корректного обращения.

3. **«... Оценка его запретительного Указа от 22 июня 1934 г. как возможное препятствие к объединению Церкви на Родине».** Этот Указ действительно мог бы быть реальным препятствием к переходу святителя Серафима в Московскую патриархию, в той степени, в какой он имел значение для руководства самой патриархии. Но здесь очевидна попытка автора внушить, что сам святитель Серафим относился к этому Указу как к законному и имеющему действительную силу. Однако, как отмечалось выше, святитель Серафим продемонстрировал на деле свое несомненное непризнание этого Указа тем, что сослужил с «запрещенными» архиереями. Впрочем, его непризнание документировано. 10 сентября 1934 г. Архиерейский собор РПЦЗ специальным постановлением выразил свое отношение к запретительному указу митрополита Сергия, отвергнув его. Под соборным постановлением стоят подписи 18-ти архиереев, среди которых имеется и подпись Серафима, архиепископа Богучарского.<sup>40</sup> Исключено, что этот факт не был известен г-ну Кострюкову, поэтому весьма некорректной является его попытка усмотреть в словах святителя нечто большее, чем простое упоминание о том, что относительно него не существует формального препятствия к переходу в Московскую патриархию даже с точки зрения ее руководства.

---

<sup>40</sup> Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви, Церковная диаспора – <http://www.sedmitza.ru/text/440019.html>

Бесспорным достоинством книги Андрея Кострюкова и его действительным вкладом в изучение жизни святителя Серафима Софийского являются опубликованные автором сведения об отношениях святителя с руководством Московской патриархии и с советскими властями в последние годы его жизни, после перехода в патриархию. Эти сведения содержатся в документах из архивов ОВСЦ и ГАРФ, недоступных в прошлом (кстати и сегодня тоже для многих исследователей). Из приведенных сведений мы узнаем, что отношения святителя с МП оставались до конца сдержанными, и что советские власти всегда считали его политически неблагонадежным и даже, по их мнению, враждебно к ним настроенным. Г-н Кострюков установил, что документы из архивов ФСБ категорически свидетельствуют о том, что святитель никогда и никаким образом не имел сотрудничества с советскими специальными службами. Впрочем, это относится и к предыдущему периоду его жизни по отношению к немецким службам.

«...Владыка Серафим не был настолько напуган советским режимом и мыслил иначе чем архиереи, жившие в России», между ними «стал проскальзывать холодок» – по свидетельству П. Петкова.<sup>41</sup> Патриарх Алексей долгие месяцы колебался, прежде чем удовлетворить просьбу о приеме святителя Серафима. Даже и после того, как он был принят и была подтверждена его должность управляющего русскими церковными общинами в Болгарии, это назначение в Московской патриархии рассматривалось как временное, и положение святителя оставалось нестабильным. В Московской патриархии продолжали относиться к нему с недоверием, «подогреваемым сообщениями об антисоветских высказываниях иерарха».<sup>42</sup> По мнению Кострюкова, определенная перемена в отношениях патриарха Алексея к святителю Серафиму наступает после их личного знакомства и после того, как власти Москвы предоставили святителю советское гражданство. В самом деле, логично предположить, что это внесло значительное успокоение в патриархийной среде, где уже могли не опасаться,

<sup>41</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011, с. 139.

<sup>42</sup> Там же, с. 117.

что со стороны властей им могут быть предъявлены обвинения в том, что они приняли политически неблагонадежного архиерея. Вероятно поэтому в 1948 г. патриарх Алексий решает предложить святителю Серафиму более престижное назначение – в Париж. Это произошло непосредственно после Московского совещания, на котором святитель произвел сильное впечатление своими докладами против экуменизма, нового календарного стиля, а также по вопросу об отношении к англиканской иерархии. Однако, как отмечает А. Кострюков, «архиепископ Серафим, привыкший к свободе, никогда не смог бы стать своим в СССР».<sup>43</sup> Коммунистические власти опасались, что с переездом во Францию он вступит в связь с монархическими кругами русской эмиграции там. Но и сам святитель не желал этого назначения и относился к нему, как к тяжелому испытанию в силу своего слабого здоровья, разлучения с паствой и духовными чадами, неопределенности в чуждой, незнакомой среде (устные сведения от игумены Серафимы (Ливен)). По этой причине он просит разрешить выехать вместе с ним ближайшим его сотрудникам – протоиерею Андрею (Ливену), архимандриту Пантелеймону (Старицкому), а также протоиерею Николаю Ухтомскому и иеродиакону Николаю (Шелехову). В особенности святитель нуждался в помощи своего секретаря, протоиерея Андрея, который, кроме всего прочего, хорошо владел западными языками. Эта просьба владыки, однако, окончательно утвердила подозрения кремлевских властей в том, что святитель вместе со своими духовными чадами подготавливает уход «из страны народной демократии в более безопасное место» – по словам председателя Совета по делам РПЦ Карпова.<sup>44</sup> В декабре 1948 г. патриарх Алексий телеграммой сообщает святителю Серафиму, что его назначение в Париж отменяется. Несомненно, это событие имело промыслительное значение для болгарского народа и Церкви. Ведь если бы святитель покинул Болгарию, его дело не развивалось бы на болгарской земле; не существовал бы Покровский Княжевский монастырь – очаг духовного просвещения для последующих десятилетий (как уже упоминалось, монастырь был основан годом позже, в

---

<sup>43</sup> Андрей Кострюков. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С., 2011, с. 140.

<sup>44</sup> Кострюков Андрей, Последние годы земного служения архиепископа Серафима (Соболева) – <http://www.sedmitza.ru/text/2641816.html>

конце следующего, 1949 г.). Не было бы с нами и матушки игуменьи Серафимы (Ливен), тогда еще – монахини Серафимы, которая вероятнее всего последовала бы за своим родным отцом, протоиереем Андреем, вслед за своим духовным отцом, святителем Серафимом.

К концу следующего, 1949 г., в Совете по делам РПЦ уже сформировалось весьма негативное отношение к святителю Серафиму. Власти в Москве были недовольны его монархическими воззрениями, действиями против обновленцев в Болгарской Православной Церкви и тем, что, вопреки несогласию Совета, он основал монастырь. В январе 1950 г. в Совете по делам РПЦ обсуждается предложение об увольнении архиепископа Серафима с поста управляющего русскими церковными общинами в Болгарии и его отозванию в СССР. Известно, что после утверждения подобных предложений они в обязательном порядке возлагались Синоду Московской патриархии к исполнению. Известно, что такие отозвания заканчивались для архиереев заточениями в глухие монастыри или даже лагеря. Но уже подходит к концу земное поприще святителя Серафима, определенное ему Богом. Вместе с окончанием тех нескольких послевоенных лет, когда верующие в России радовались (хотя и ограниченной) свободе, завершаются и земные труды святителя. Когда для святителя Серафима заблистал незакатный день в Царствии Небесном, Советский Союз вновь погрузился во мрак церковных гонений. Святитель завершил свое дело и завещал свое бесценное наследство в достояние вселенскому Православию. Он окончил путь, сохранил веру и принял венец правды. Святитель Серафим преставился 13/26 февраля 1950 г., в Неделю Торжества Православия, на благо которого неутомимо трудился всю свою жизнь.

\* \* \*

Чрезвычайно сложным был путь святителя Серафима. Этот путь начинается с тихой пристани монашеской жизни и церковного служения в дореволюционной России, проходит сквозь бури большевистской революции, гражданской и двух мировых войн, через неволи эмигрантской жизни в Болгарии, сначала в

условиях гражданской и церковной свободы до войны, а потом под властью тоталитарного богоборческого режима после коммунистического переворота. Нелегка задача тех, кто пытается осмыслить жизнь святителя. Конечно, вне всякого сомнения, любой церковно-политический подход с целью использовать его светлый образ в своих злободневных интересах, обречен. Его жизнь, его святое дело не подвластны эксплуатированию церковной политикой, как и не укладываются в схемы спекулятивных идеологизированных построений. Но не о том речь. Эта задача нелегка даже и для тех, кто вполне искренне желает понять жизнь святителя Серафима, вникнуть в его мотивы, понять побуждения, приводившие его к тому или иному решению, к выбору того или иного направления на его жизненном пути. Видимо, Господь на примере жизни Своего избранника преподает нам весьма высокий урок. И нам совершенно невозможно уклониться и избежать его усвоения. Ибо нам невозможно иметь связь с великими отцами Церкви древних времен, если у нас нет живой духовной связи со святыми нашего времени. Не может стать нашим достоянием духовное наследство великих носителей Святого Духа, если не станут нашим достоянием заветы наших отцов и матерей. И в силу сложности этой задачи необходимо весьма внимательно подойти к выбору правильной исходной точки. Прежде всего нам следует обрести смиренное сознание того, что даже самое осмысление такого высокого подвига, каким является пример святителя Серафима трудно для нас, так же как трудно следить за полетом орла высоко в небесах. Но если мы честно это осознаем и честно признаемся святителю в том, что что-то не можем понять, и молим его открыть нам духовный смысл, помочь нам воспринять его, то несомненно мы можем надеяться, что он выполнит нашу просьбу. Он вымолит у Господа чтобы наш ум просветился, наши недоумения рассеялись и наши запутанные мысли и суждения упорядочились. Конечно, этот дар, как и любой другой, получаемый в Церкви, потребует труда от нас, но не надо забывать, что (как и другие дары) он постигается не столько интеллектуальным, сколько духовным усилием. И в этом отношении наилучшим примером для нас может послужить сам святитель Серафим, тропарь которому начинается словами: »Дѣвственною чистотою богословіе свыше стяжавъ ...»

Этот дар – пламенная ревность к чистоте православной веры и исключительная способность распознавать даже малейшие отклонения от ее истин, в сущности, может быть, и есть самый великий из всех даров, которыми Господь щедро одарил Софийского Чудотворца.

Всю свою жизнь святитель Серафим руководствовался кристально чистыми и исключительно духовными побуждениями. Поэтому, когда мы исследуем жизнь святителя, нам необходимо использовать этот пробный камень для любой мысли или суждения, чужой или нашей собственной. О правильности сего критерия несомненно свидетельствует Сам Бог Своей преизобильной благодатью, которой Он одарил Своего верного служителя, и кого Церковь воспевает словами: «... в любви истинствовавъ благодать обильную отъ Бога пріяль еси...». Храня эту истину в умах и сердцах, мы тоже сможем обрести ко святителю такое же детское доверие, с каким он относился к Спасителю и Матери Божией и сможем ощущать светлую радость несомненной надежды, когда будем обращаться к нему со словами: «Святителю отче Серафиме, моли Бога о нас!»

Чтец Константин Годоров